

Кантарык Екатерина Анатольевна

ассистент Липецкого государственного
технического университета**СОЦИАЛЬНОЕ И САКРАЛЬНОЕ
В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
БОЛЬНИЧНОГО ХРАМА****Аннотация:**

В статье характеризуется взаимодействие социальных и сакральных начал в экзистенциальном пространстве православного больничного храма. Исследование, результаты которого публикуются в статье, является инициативным и прежде всего ориентировано на аргументы, связанные с первичными эстетико-философскими (архетипическими) переживаниями пространства православного храма, и аргументы к традиции церковного понимания болезни как личного и социального испытания и храма как всеобщей духовной лечебницы в единстве различных этико-социальных, молитвенных и сакрально-богослужебных аспектов.

Ключевые слова:

больничный храм, социальное, сакральное, страдание, синтез искусств, общение, архетип.

Kantaryuk Ekaterina Anatolievna

Assistant,
Lipetsk State Technical University**SOCIAL AND SACRED
IN THE EXISTENTIAL
SPACE OF HOSPITAL
CHURCHES****Summary:**

The article deals with interaction of social and sacred principles in the existential space of the orthodox hospital churches. The study, the results of which are published in this article, is an initiative one and is focused, above all, on the arguments concerning the primary aesthetic and philosophical (archetypal) experiences of the Orthodox church space, and the arguments concerning the tradition of religious interpretation of illness as a personal and social challenge, and church as a universal spiritual hospital uniting various ethical and social, prayer-related and sacral-liturgical aspects.

Keywords:

hospital church, social, sacred, suffering, synthesis of arts, communication, archetype.

Когда я открываю глаза при полном дневном свете, то не от моей воли зависит выбрать между видением или невидением.

Дж. Беркли [1, § 29]

Православный храм есть деятельный синтез искусств. Эта аксиома религиозного опыта, симфонически обдуманная русскими мыслителями и отчетливо сформулированная П.А. Флоренским [2, с. 199–215], несводима к некоторым абстрактным характеристикам сакральных смыслов, обеспечивающих этот синтез. Он оказывается возможным при некотором экзистенциальном условии – молитвенном участии в этом синтезе, социально сосредоточенном пребывании в нем как в ключевом событии церковно-художественной жизни.

Преобразуя различные художественные практики, церковная культура и искусство являются принципиально открытыми – не моделируют, а только уточняют предпосылки общения человека с Богом. По сути, церковное искусство отражает весь существующий молитвенный опыт и делает сильнее и устойчивее свое значение в те периоды жизни человека, когда он остро нуждается в Божьей помощи. Больничный храм является важнейшей сакрально-художественной формой духовного сосредоточения больного, облегчения его страданий, покаяния, благодарения и др. Здесь сказывается весь нажитый опыт страдающего в его крайней эмпирической отчетливости и сотериологической направленности.

Художественное оформление русских православных храмов основано на пластически-изобразительных искусствах, представляющих собой многоаспектный элемент культуры в целом. Это и особая живопись, и декоративно-прикладное искусство, и т. п. В них материальный компонент направлен на выражение духовной сущности мира. В церковном храмовом искусстве дает себя знать традиция, учитываются народные образные представления, их «наивное», непосредственное художественное видение и мышление, которое основано не на внешнем визуальном воплощении, не на буквальном представлении о том, что существует человеческий и предметный мир, а на их функционально-сущностном семиотическом базисе. В этом отношении храмы Древней Руси мало чем отличаются от современных, а кафедральные соборы – от храмов больничных. Но иначе, с некоторой интенсивной пластической конкретностью образуется молитвенная общность пришедших или зашедших в храм: их присутствие, часто непродолжительное, материалистично, обращено к вещественно-визуальным сторонам богослужения; их сердечные, «утренние» молитвы, нередко

едва ли намного более продолжительные, нежели молитва мытаря (Лк. 18:13), подхватывает и уточняет больничный Божий храм во всем своем сакрально-художественном единстве. В пластике интерьеров встречаются молитва блудницы и молитва разбойника, молитва мытаря, всякого блудного сына Божия. Болезнь не щадит всех тех иерархических лабиринтов, которые построены бывают в миру блуждающими. К Господу приходят, совлекаясь ветхих одежд социальности, – приходят с христиански проясненными душами, Бога во Троице Единого ради. «Слышану сотвори мне заутра милость твою, яко на тя уповах» (Пс. 142:8).

В христианском учении физические болезни рассматриваются как следствие греха и ради их излечения приходит в мир Спаситель: «Не требуют здравии врача, но болящие... не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние» (Мф. 9:12–13). «Исцелите недужных», – научает Он своих учеников (Лк. 10:9).

Именно это и стало одним из главных нравственных принципов христианства, нашедшим свое отражение в русской культуре православия. Желание оказывать физическую и духовную помощь ближнему характеризует ее уровень развития. Только прочувствовав проблемы нуждающихся в помощи людей в больничных храмах, богадельнях и приютах, человек может направить свои мысли к Богу, преображаясь душой от бренности к вечности, от смерти к бессмертию, от небытия к Всебытию.

Больничный храм – место стремительно разгорающейся веры в святость святых, в миру просиявших заступников и молитвенников. Общение в больничном храме есть общение в надежде на заступление от нахлынувших скорбей – вольно ли или невольное общное воплеченное призывание Господа сил и радостные признания Богу любви: «Боже, ущедри ны, и благослови ны, и просвети лице Твое на ны, и помилуй ны: познати на земли путь Твой, во всех языцех спасение Твое» (Пс. 66:2). Сакральные начала храмового синтеза здесь познаются как некоторая пластическая очевидность, «очевидность невозможности» обратных перспектив иконописи и всего образно-смыслового нелинейного пластического ряда, в котором плоть изнывающая, испытываемая обретает иное значение; здесь наглядно и участно спланивается и высветляется «страдание, так удивительно очищающее душу» [3].

В современном искусствознании утвердилось мнение, что подлинное художественное произведение архетипически обусловлено личностью художника «не меньше, но и не больше, чем растение – почвой, на которой оно вырастает» [4, с. 277]. В пластическом пространстве храма личность художника, как и личность болящего, срастворяются, колеблют границы архетипического. В таком пространстве спланиваются традиция духовного вспоможения и здравый смысл медицинского содействия. Очевидным становится наличие физической и нефизической составляющих человеческой личности – человек во всей полноте его чувственного здоровья, несводимого к первичным физическим ощущениям.

Апостол Лука, являющийся одним из учеников Христа, был врачом. Первые христиане (святые Косма и Дамиан, мученик Пантелеймон) занимались в основном врачеванием. История Церкви насыщена примерами, когда церковные служители занимались врачеванием и совместно переживали и продумывали свою веру и понимали то, чем они живут, – то чудо, каким является Православная Церковь [5], – в том храме, в котором Бог встречается со страждущими и живет во всей полноте и пластической социально-сакральной очевидности.

В условиях больницы храм является олицетворением высоких гуманистических идеалов и духовного единения. Храм становится зримой моделью осмысленного бытия. В самые кризисные моменты человеческой жизни храм способен стать своего рода онтологическим порталом, местом преобразования человека восскорбевшего, болящего – своеобразным «выходом из тупика». Здесь становится остро понятным значение именно совместной молитвы для православного человека, которая, по словам Антония, митрополита Сурожского, является сокровенным и крепким основанием жизни. Замечая о нераздельности молитвы и жизни, вл. Антоний говорит о том, что отсечение жизни от молитвы есть отсечение самой жизненной глубины, некая отчаянная близорукость живущего. Такая изувеченная, болезненная жизнь «сама по себе» позволяет, конечно, довольствоваться видимым, «ближним», но по преимуществу «в физическом плане» – «ближним, в котором мы не обнаруживаем всей безмерности и вечности его судьбы». Молитва, личная и совместная, сливаясь с жизнью и укрепляя ее, распространяет жизнь к горизонтам; в фактической конкретности, полноте и незавершенности жизни молитва указывает вполне отчетливо на меру вечности живого и живущего. Жизненный мир, если только не относиться к нему с болезненным малодушием, отнюдь не безбожен; «в существе своем он вышел из рук Божиих, он любим Богом... молитва свидетельствует, что мы знаем это, – знаем, что каждый человек и каждая вещь вокруг нас священны в очах Божиих: любимые Им, они становятся дороги и для нас. Не молиться – значит оставлять Бога за пределами всего существующего, и не только Его, но и все, что Он значит для созданного Им мира, того мира, в котором мы живем» [6].

Храм является объединяющим началом философии искусства, науки и культуры на протяжении всей истории христианизации России. В искусстве онтологический смысл и его философскую интерпретацию несет художественный образ. Семантически храм – носитель сакральных смыслов; однако в определенных условиях, когда семантическое умозрение оказывается недостаточным, может выступать как живой и жизненный символ, наполненный святой заботой о другом и каждом, попечением о другом и тем самым попечением о себе и своем. В сложном пластическом взаимодействии социального и сакрального художественный образ храма оказывается образом общения в его предельном смысле – как общения людей, среди которых – Христос, «и Есть, и Будет». Храм есть практический результат синтеза откровения души и эмпирически полученных знаний. Но понимание этого синтеза, его жизненности, становится возможным в перспективе конкретного богослужения в конкретном храме в общине сослужащих и состраждущих. Больничная община, собираясь в своем храме, является ярким свидетельством такого синтеза, в котором упокоиваются сердца и взгляды и достигают своего жизненного предела онтологические смыслы искусства.

Ссылки:

1. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого познания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия [Электронный ресурс] // Беркли Дж. Сочинения. М., 1978. С. 152–247. URL: <http://www.psyoffice.ru/9/berkl01/txt03.html> (дата обращения: 28.03.2016).
2. Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П.А. Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 199–215.
3. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу. М., 2016. 256 с.
4. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. 300 с.
5. Митрополит Сурожский Антоний. О Церкви [Электронный ресурс]. URL: http://www.mitras.ru/church/ch_05.htm (дата обращения: 28.03.2016).
6. Митрополит Антоний Сурожский. Молитва и жизнь. М., 2015. 144 с.

References:

- Berkeley, G 1978, 'A Treatise on the principles of human knowledge, which investigated the main causes of errors and difficulties in the sciences, as well as the grounds of skepticism, atheism and unbelief', *Works*, Moscow, pp. 152-247, (in Russian).
- Florensky, PA 1996, 'The temple acts as a synthesis of the arts', *Selected works of art*, Moscow, pp. 199-215, (in Russian).
- Jung, CG 1991, *The archetype and symbol*, Moscow, 300 p., (in Russian).
- Metropolitan Anthony of Sourozh 2015, *Prayer and life*, Moscow, 144 p., (in Russian).
- Metropolitan Anthony of Sourozh 2016, *About the Church*, viewed 28 March 2016, <http://www.mitras.ru/church/ch_05.htm>, (in Russian).
- St. Luke (Voyno-Yasenetsky) 2016, *I loved the pain, so wonderfully cleansed the soul*, Moscow, 256 p., (in Russian).